

ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНАЯ КАРТИНА МИРА

Н.В. Клягин

ПЕРВЫЙ МЫСЛИТЕЛЬ

Аннотация. По лингвистическим данным, кениантроп владел генетическим и индуктивным методами выявления сущностей вещей.

Ключевые слова: философия, аналогия, кениантроп, метафора, обобщение, синоним, синтез, сущность, язык Олди, язык жестов Кени, язык Руди.

Во время теплого межледникового Бибер/Донау, 2,3-2,0 млн лет назад, гоминин «кениантроп с озера Рудольфа» создал первую, односложную часть словаря своего языка *Руди* (108 слов). Во время потепления Донау I/II, 1,9-1,84 млн лет назад, кениантроп завершил свое словотворчество, добавив в словарь языка *Руди* 23 328 двусложных слов, доведя полный словарь языка *Руди* до 23 436 лексических единиц. Было ли формирование первого языка человечества неупорядоченным?

Палеоантропология

Наш первый достоверно известный *прямой* предок, «кениантроп плосколицый» (*Kenyanthropus platyops*), обитал на обоих берегах озера Туркана (бывший Рудольфа) в Кении 3,5-3,2 млн. лет назад¹. На наш взгляд, именно он оставил в местонахождении Дикика-55, Эфиопия, св. 3,39 млн. лет назад, следы снятия мяса каменными орудиями с костей 2-х травоядных животных и следы раскола этими орудиями костей для извлечения костного мозга, что приписывают, однако, безорудийному австралопитеку афарскому (*Australopithecus afarensis*)². Характер орудий пока неясен.

Потомок «кениантропа плосколицего», «кениантроп с озера Рудольфа» (*Kenyanthropus*

rudolfensis) из Кении, Танзании, Малави и Эфиопии, 2,43-1,84 млн лет назад, имел строение черепа, сближающее его с современным человеком³. Так, у него не отмечено надглазничного валика, характерного для более поздних гоминин, исключая человека современного типа. У «кениантропа с озера Рудольфа» имелся относительно высокий свод черепа. Объем его головного мозга превышал 750 куб/см⁴. Но, главное, в левой височной доле головного мозга у этого гоминина обнаружены развитые зоны Брока и Вернике⁵, управляющие у современного человека членораздельной речью. Поскольку человеческая мысль связана с языком⁶, «кениантропа с озера Рудольфа» можно считать первым мыслителем в истории человечества.

В местонахождении Хадар, Эфиопия, 2,3 млн лет назад, с остатками «кениантропа с озера Рудольфа» связаны каменные орудия археоло-

³ Leakey R.E.F. Evidence for an Advanced Plio-Pleistocene Hominid from East Rudolf, Kenya // *Human Origins. Louis Leakey and the East African Evidence. A Staples Press Book.* W.A. Benjamin, Inc., Menlo Park, Ca. Reading, Mass. L. — Amsterdam — Don Mills, Ontario — Sydney, 1976. P. 347-350.

⁴ Falk D. Hadar AL 162-28 endocast as evidence that brain enlargement preceded cortical reorganization in hominid evolution // *Nature.* 1985. Vol. 313. № 5997. P. 46.

⁵ Yellen J.E. The longest human record // *Nature.* 1986. Vol. 322. № 6082. P. 774.

⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. Критика новейшей немецкой философии в лице ее представителей Фейербаха, Б. Бауэра и Штирнера и немецкого социализма в лице его различных пророков // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М.: Политиздат, 1955. Т. 3. С. 29.

¹ Leakey M.G. et al. New hominin genus from eastern Africa shows diverse middle Pliocene lineages // *Nature.* 2001. Vol. 410. № 6827. P. 433-440.

² McPherron Sh.P. et al. Evidence for stone-tool-assisted consumption of animal tissues before 3.39 million years ago at Dikika, Ethiopia // *Nature.* 2010. Vol. 466. № 7308. P. 857-860.

гической культуры типичного олдвая⁷, 2,6-1,55 млн лет назад⁸. Поскольку других кандидатов на роль создателей этой археологической культуры указать нельзя, можно допустить, что ее создал «кениантроп с озера Рудольфа». Он называл свои инструменты словом Р. 9658. *šbro* «орудие» (на символикe цитирования слов его языка *Руди* мы остановимся дальше).

Язык

Родственные слонам, небольшие зверьки даманы (Hugacoidea) используют для общения 20 звуковых сигналов. У обезьян шимпанзе таких сигналов насчитывается 23. У родственных шимпанзе древних гоминин их (звуковых сигналов) было 24⁹. Они составили так называемый язык *Олди* (от Олдувайского ущелья в Танзании, прославленного открытием олдувайской археологической культуры). Мы бы ожидали, что звуки языка *Олди* отражали объекты органических потребностей, как-то: пищу, сексуального партнера, источник опасности и т. п. Однако определенная комбинаторным путем семантика звуков языка *Олди* ничего подобного не обнаружила. Так, звуки языка *Олди* О. 16. **p** «напор» (звук плевка), О. 8. **i** «порода» (язвительный звук), О. 18. **r** «рычать (преобладать)» (рычание), О. 1. **a** «сила» (вскрик боли от внешнего насилия) и др. не являются обозначениями органических потребностей и их объектов. Это скорее междометия, не чуждые современному человеку и, возможно, находящие аналоги в звуковом общении шимпанзе, даманов и др. животных с поправкой на особенности звукового аппарата и психологии.

Можно допустить, что язык *Олди* был присущ «кениантропу плосколицему», его возможному предку «оррорину тугенскому» (*Orrorin tugenensis*) из Кении, 6,2–4,96 млн лет назад, их родственнику «сахельантропу чадскому»

(*Sahelanthropus tchadensis*) из центральноафриканского государства Чад, 7–6 млн лет назад, и восходил к голосовому общению первого известного гоминида «пьеролапитека каталонского» (*Pierolapithecus catalaunicus*) из северо-восточной Испании, 13–12,5 млн лет назад, общего предка гоминин, шимпанзе и горилл. Мы бы не удивились, если бы сравнение языка *Олди* со звуковым общением шимпанзе позволило бы реконструировать звуковой «язык» «пьеролапитека каталонского». Однако примитивный характер языка *Олди* как будто не сулит здесь сенсационных открытий. Другое дело — язык *Руди*.

Язык Руди

Насколько можно судить в настоящее время, около 2,6 млн лет назад «кениантроп с озера Рудольфа» создал олдувайскую археологическую культуру. Поначалу его орудия не отличались разнообразием и эффективностью¹⁰. Однако 2,3 млн лет назад началось глобальное потепление, в Африке выросла влажность, обогатился растительный и животный мир, т. е. выросла биопродуктивность среды. Производительность труда в охоте и собирательстве у кениантропа поднялась, и появилось активное время, свободное от производственных забот. Например, современные южноафриканские бушмены и австралийские аборигены, обитающие в основном в условиях скудной экосреды и пользующиеся орудиями труда и охоты мезолитической культуры, затрачивают на добычу пищи в среднем всего один день из четырех¹¹. Кениантроп же в условиях продуктивной африканской саванны, чья биопродуктивность (первичная нетто-продуктивность) превосходит биопродуктивность пустынных биотопов бушменов и австралийских аборигенов в 4 раза¹², находился в более благоприятных условиях для охоты и собирательства. Конечно, кениантроп пребывал на ранней стадии развития нижнепалеолитической культуры, и его производственные

⁷ Wood B. The oldest whodunnit in the world // Nature. 1997. Vol. 385. № 6614. P. 292-293.

⁸ Клягин Н.В. Современная научная картина мира: Учеб. пособие. М.: Университетская книга, Логос, 2007. 264 с. С. 85, 107, 216.

⁹ Кларк Дж.Д. Доисторическая Африка. М.: Наука, 1977. 264 с. С. 64; Клягин Н.В. Первозык мышления // Мир психологии. 2009. № 2. С. 62; Он же. Психология кениантропа // Высшее образование для XXI века. VII международная научная конференция. Москва, 18-20 ноября 2010 г. Духовное развитие человека и содержание высшего образования. М.: МГУ, 2010. Вып. 1. С. 33.

¹⁰ Тот Н. Первая технология // В мире науки. 1987. № 6. С. 83-85; Leakey M.D. Cultural Patterns in the Olduvai Sequence // After the Australopithecines. Stratigraphy, Ecology, and Culture Change in the Middle Pleistocene. The Hague, Paris: Mouton Publishers, 1975. С. 483, рис. 3.

¹¹ Клягин Н.В. Современная научная картина мира: Учеб. пособие. М.: Университетская книга, Логос, 2007. 264 с. С. 114.

¹² Лархер В. Экология растений. М.: Мир, 1978. 384 с. С. 128-129, рис. 78А.

возможности преувеличивать не следует. Однако определенные производственные достижения этого гоминина не вызывают сомнений, в свете его духовных достижений — скромных, по современным меркам, но бесспорных, по меркам нижнего палеолита.

Прежде всего, кениантроп встал перед проблемой занятия своего активного времени, свободного от производственных забот, — занятия его неким общением непродуцированного свойства, дабы уберечь свои нарождающиеся общины от разложения и распада. Не секрет, что ничем не занятое праздное время пагубно сказывается на целостности человеческих коллективов. Коллективы кениантропа, конечно, не составляли исключения. В его распоряжении имелось непродуцированное общение при помощи древнего языка *Олди* (всего 24 смысловых единиц) и жестового языка *Кени* (пока известно всего две смысловые единицы). Легко понять, что 26 смысловых единиц давали немного простора для непродуцированного языкового общения.

Нетрудно понять, что выжили только те общины кениантропа, которые стихийно научились строить из своих немногочисленных языковых единиц более просторное лингвистическое поле. Мы можем судить об этом с уверенностью по той причине, что в истории не известно ни одного немого общества. А это значит, что языковое общение является необходимым условием для существования общества. Современный человек привык к этому очевидному обстоятельству. Однако на заре общества оно было далеко не «очевидно». Кениантроп, открывший это обстоятельство явочным порядком, был незаурядным существом. Можно предположительно представить, как он действовал.

Обезьяны шимпанзе способны строить из элементов человеческого языка жестов *амслена* простые предложения. Мозг древних гоминин по степени своей сложности не уступал мозгу шимпанзе. Поэтому, теоретически, ничто не препятствовало нашим предкам строить простые предложения из языка жестов *Кени*. Подобное достижение должно было привести к созданию элементарных грамматических структур.

Так, у современного человека жестами правой руки управляет моторная кора левого полушария головного мозга. Нижняя оконечность этой коры, руководящая пальцами правой руки, лицом и языком, разделяет прилегающие зоны Брока (спереди) и Вернике (сзади), которые команду-

ют речью. Подобным соседством обусловлена наша назойливая жестикуляция при разговорах. Зоны Брока и Вернике первоначально управляли правой рукой, когда она изъяснялась на языке жестов *Кени*. В результате элементарные грамматические структуры этого языка закрепились за названными мозговыми зонами, что сделало их речевыми. Когда кениантропу потребовалось больше речевого общения, зоны Брока и Вернике распространили свое управление на звуковое общение, что сделало их тем, чем они являются у нас¹³.

Теперь, кениантроп, уже располагавший полями Брока и Вернике, получил нейрофизиологическую возможность строить простые предложения из звуков языка *Олди*. При этом техника речи строилась таким образом. Кениантроп начинал изъяснение с одного из узких звуков (18 согласных фонетических единиц) и заканчивал одним из широких звуков (6 гласных фонетических единиц), что для речевого аппарата гоминин было наиболее органично. Например, произносятся звуки языка *Олди* *О. 9. j* «хрустящий» (утонченный звук) и *О. 1. а* «сила» (вскрик боли от внешнего насилия), кениантроп получал выражение «хрустящая сила». Это выражение распространилось на «язык» как орган вкуса при поедании хрустящих фруктов и зелени, а потом — на «язык» как орган речи. Появилось односложное слово языка *Руди* за № 2617 *Р. 2617. ja* «язык». Отсюда происходит способ цитирования слов языка *Руди*, которые в первый и последний раз в лингвистической истории человечества поддаются твердой нумерации.

Вышеупомянутые звуки языка *Олди* *О. 16. p* «напор» (звук плевка), *О. 8. i* «порода» (язвительный звук), *О. 18. r* «рычать (преобладать)» (рычание) и *О. 1. а* «сила» (вскрик боли от внешнего насилия) при комбинации попарно дали слова языка *Руди* *Р. 6868. pi* «зверь» и *Р. 7849. ra* «α-самец». Построение подобных односложных слов нельзя не признать логичным. В самом деле, комбинация понятий «напор» + «порода», в глазах первобытного кениантропа, естественно породила понятие «зверь», т. е. «существо, отличающееся напором». Аналогично комбинация понятий «рычать (преобладать)» + «сила» не менее естественно дало первобытное понятие «α-самец», т. е. «самец, отличающийся преобладающей силой».

¹³ Клягин Н.В. Современная научная картина мира: Учеб. пособие. М.: Университетская книга, Логос, 2007. 264 с. С. 115.

Описанные лингвистические комбинации наделили кениантропа способностью строить новые идеи путем суммирования прежних идей, т. е. способностью *синтезировать* мысли. Разумеется, поначалу синтез мыслей носил очень простой, примитивный характер. Однако из 24-х звуков языка *Олди* кениантроп мог синтезировать 108 односложных слов языка *Руди*, т. е. поднять свою идейную оснащенность в 4,5 раза за 300 тыс. лет (2,3–2,0 млн лет назад). Это обстоятельство может означать, что за указанный период межледниковья Бибера/Донау производительность охоты и собирательства выросла у кениантропа в 4,5 раза. Во столько же выросло праздное свободное время. Для его заполнения непроизводительным речевым общением потребовался запас слов языка *Руди*, в 4,5 раза превышающий запас звуков языка *Олди* и в 4,7 раза — звуковой запас пока неназванного языка современных шимпанзе. Ничего подобного животный мир не знал.

Добавим, что кениантроп освоил производство слов и мыслей по *аналогии*. Так, воспользовавшись звуками языка *Олди* О. 5. **h** «дышать» (выдох) (это глухой фарингальный, или глоточный, звук) и О. 1. **a** «сила» (вскрик боли от внешнего насилия), кениантроп построил односложное слово языка *Руди* Р. 655. **ha** «выдыхать». Затем по *аналогии* с предыдущим словом изобретательный кениантроп взял звуки языка *Олди* О. 6. **ʔ** «внутренний» (подобие вдоха) (гортанная смычка) и О. 1. **a** «сила» (вскрик боли от внешнего насилия), чтобы построить слово языка *Руди* Р. 1309. **ʔa** «вдыхать». И на этом наш предок не остановился.

Прибегнув к звукам языка *Олди* О. 7. **ʕ** «нрав» (горловое хмыканье) (это звонкий фарингальный, или глоточный, звук), О. 17. **q** «глотать» (звук сдавленного горла) (это глухой поствелярный, или предглоточный, звук) и О. 2. **ä** «ненужный» (возглас отворачивания), кениантроп создал слова языка *Руди* Р. 2072. **ʕä** «жечь (изнутри)» и Р. 7304. **qä** «жечь (снаружи)». Поясним, что согласные звуки двух последних слов соседствуют по месту образования. Поэтому данные слова можно рассматривать как фонетические варианты второго из них. В этом мы не убеждены. Однако построение этих слов по *аналогии* не вызывает сомнений.

Наконец, кениантроп взял дентальные (зубные) согласные (смычный и щелевой) из языка *Олди* О. 22. **t** «просвет» (указывающий возглас) и О. 19. **s** «луч» (протяжный присвист), а также

гласные звуки О. 8. **i** «порода» (язвительный звук) и О. 23. **u** «основа» (возглас уважения). Затем кениантроп создал из них целую серию односложных слов языка *Руди* Р. 10792. **ti** «луч (мощный)», Р. 8830. **si** «луч (узкий)» и Р. 9048. **su** «луч (ореол)». Следует сказать, что дентальный смычный (**t**) перед гласным переднего ряда и высокого подъема (**i**) мог перейти в дентальный фрикативный (**s**) по фонетическим причинам. Точно так же гласный (**i**) мог перейти в огубленный гласный заднего ряда и высокого подъема (**u**) тоже по фонетическим причинам, а именно: в результате «аблаутной лабиализации» (чередования неогубленного и огубленного вариантов звука). Иными словами, в приведенных трех случаях семантическое (смысловое) родство дополнялось фонетическим звуковым родством. Это обстоятельство указывает на словотворчество по *аналогии*.

Подчеркнем, что первобытный кениантроп являлся дикарем, не имел филологического образования и вообще занимался словотворчеством почти «на голом месте». Отсюда следует, что он проявил недюжинную сообразительность, которой можно позавидовать.

Если орудийная деятельность действительно была присуща «кениантропу плосколицему» свыше 3,39 млн лет назад (см. выше), и он развивался по сценарию, описанному для «кениантропа с озера Рудольфа», то односложные слова языка *Руди* могли появиться у «кениантропа плосколицего» еще во время межледниковья Астий, 3,35–3,2 млн лет назад, т. е. вдвое быстрее (за 150 тыс. лет). К сожалению, указанный гоминин и его трудовая деятельность известны нам пока недостаточно. Однако рассуждая о речевых и интеллектуальных достижениях «кениантропа с озера Рудольфа», мы постоянно должны иметь в виду, что обсуждаемые достижения, в принципе, мог совершить еще «кениантроп плосколицый». Это затруднение разрешит дальнейшее развитие палеоантропологии и археологии.

Во время теплого интерстадиала Донау I/II, 1,9–1,84 млн лет назад (у «кениантропа с озера Рудольфа»), или интерстадиала Бибера I/II, 3,0–2,6 млн лет назад (у «кениантропа плосколицего»), производительность труда поднялась вновь, что повлекло за собой рост праздного времени. Его требовалось заполнить непроизводительным речевым общением. В ответ на подобную потребность «кениантроп с озера Рудольфа» (или «кениантроп плосколицый») приступил к новому этапу словотворчества.

Ставший опытным для своего времени «филологом», «кениантроп с озера Рудольфа» за 60 тыс. лет (или «кениантроп плосколицый» за 400 тыс. лет, что правдоподобней) создал 23 328 двусложных слов, завершив построение языка *Руди*. Этот словарь двусложных слов вместе со 108-ю односложными словами составил полный словарь языка *Руди* из 23 436-ти слов (из которых нам пока известно 5000 слов). Встает вопрос: почему 24 звука языка *Олди* мы выделяем в самостоятельный «язык», а 108 односложных слов и 23 328 двусложных слов объединяем в единый язык *Руди*? Ответ на этот вопрос может быть коротким, но исчерпывающим.

Звуки языка *Олди* не играют никакой грамматической роли в языке *Руди*, а потому не могут включаться в него. Напротив, односложные слова первого этапа развития языка *Руди* играют важную грамматическую роль в составе второго этапа развития этого языка. Так, например, односложные слова языка *Руди* Р. 7849. **ra** «α-самец» (активный «ротический» аорист) и Р. 8503. **sa** «травянистое растение» (аффикс gen.; формант прилагательных и уменьшительных имен; указ. мест. ж. р. «она»; пассивный «сигматический» аорист) выступали показателями такой глагольной формы, как аорист, т. е. показателями однократной формы прошедшего времени. Пример: **mi wä rä-ra ?i-mä póšo-na múso-na** «я сделал это прошлым вечером» (в смысле «я сделал это вчера вечером и больше к этому вопросу не возвращался»). Эти морфемы (служебные части слова) употреблялись с глаголами языка *Руди* и не могли быть из него изъяты. Аналогичным образом обстояло дело со множеством других односложных служебных морфем, происходящих от односложных слов первого этапа развития языка *Руди* и приобретших важное грамматическое значение на втором этапе развития языка *Руди*.

Из приведенного примера видно, что кениантроп являлся изрядным грамматическим педантом по части применения служебных морфем, чего нет, например, в современном английском языке, являющемся аналитическим в противоположность синтетическому языку *Руди*. Аналитические языки выражают грамматические отношения в основном служебными словами и порядком слов, тогда как синтетические языки прибегают для этой цели к аффиксам (префиксам-приставкам, инфиксам-вставкам и суффиксам) и флексиям-окончаниям.

Синтетический строй языка состоит в нанизывании по определенным правилам частей слова на единую грамматическую ось. Аналогичным образом, например, наконечник копья крепится на древке, а каменный топор — на топорнице. Но имелись ли у кениантропа составные орудия, мы в точности, по археологическим данным, пока не знаем. Подобный тип языка представляется естественным и самым древним.

В частности, кениантроп мог взять слово Р. 3326. **kána** «топор» (буквально «имеющий свойство мощи»). Затем снабдить его суффиксом прилагательных Р. 6214. **ni**, а потом присовокупить окончание родительного падежа Р. 11337. **we**. Получилось бы слово **kána-ni-we** «топорного». Аналогичным образом кениантроп, в принципе, был способен оперировать любыми элементами словаря его языка *Руди*, что делало этот язык универсальным средством отражения известной кениантропу реальности и даже реальности, неизвестной ему.

Так, например, кениантроп мог прибегнуть к словам-корням Р. 5560. **mi** «личное местоимение 1 sg. «я»», Р. 2539. **śúka** «ясно видеть», Р. 10792. **ti** «суффикс форм прошедшего времени», Р. 6105. **ne** «отрицательная частица», Р. 5873. **múšo** «конец», Р. 6214. **ni** «суффикс прилагательных» и Р. 2416a. **śoʔó** «простор». Потом он без труда «смонтировал» бы фантастическую фразу **mi śúka-ti ne-múšo-ni śoʔó** «я видел бесконечное пространство». Мы бы, разумеется, ему не поверили, поскольку пространство Вселенной ограничено поперечником в 26,(6) млрд световых лет. Однако неунывающий кениантроп «нагородил» бы нам еще уйму таких же фантастических фраз в духе сторонников ускоренного расширения Вселенной, и мы притихли бы, поскольку последних удостоили Нобелевской премии. А дело состояло и состоит всего лишь в том, что язык *Руди* и его современные языки-потомки позволяют неограниченно выражать любые мысли, даже фантастические.

Мышление кениантропа

Подобное свойство языка является основой универсального мышления человечества. Но само по себе такое свойство языка не запустит универсального мышления. Для его запуска необходимо наработать определенный пакет методов мышления. Применяя эти методы к единицам универсального языка и их денотатам (отражаемым явлениям) можно действительно добиться

универсального отражения мыслью реальности. Хотя, конечно же, не сразу.

Создавая свой язык, кениантроп находился в сложном положении. Как мы помним, он располагал всего 108-ю односложными корнями для построения 23 328-ми двусложных слов своего языка *Руди*. Каждое из этих слов должно было бы иметь какой-то свой самостоятельный смысл. Следовательно, 23 328 смыслов необходимо было передать посредством всего 108-ми смысловых единиц. Подобная задача вряд ли окажется по плечу даже цивилизованному человеку. Отсюда следуют два вывода.

Во-первых, кениантроп вряд ли мог справиться с подобной задачей, поскольку нет оснований приписывать его мозгу каких-то сверхчеловеческих интеллектуальных свойств. Следовательно, каким-то двусложным словам своего языка он никак не мог сообщить абсолютно оригинального смысла. Отсюда следует, что среди двусложных слов его языка неизбежно должны были складываться слова, синонимичные в том или ином отношении.

Этот вывод нетривиален. Он позволяет объяснить, откуда в человеческих языках взялась определенная толика слов-синонимов. Ведь, с точки зрения элементарной прагматики, слова-синонимы, за вычетом наиболее точного из них, являются лингвистическим балластом, перегружающим язык. Например, сознательно создаваемые искусственные языки компьютерного общения строго избегают включения в свои словари синонимов. Кениантроп не был программистом, однако инстинктивно он ощущал обременительность построения, заучивания и использования слов-синонимов. Не в силах избавиться от них как таковых, он придавал словам-синонимам некоторые несущественные оттенки смысла, что создавало видимость разнообразия подобных слов. Это объясняет появление в языке *Руди* слов, различающихся всего лишь оттенком смысла, как-то: Р. 10727. **télä** «бить (из ревности)»; Р. 9039а. **sotí** «бить (на расстоянии)»; Р. 9258. **šáto** «бить сверху»; Р. 6781. **péši** «бить страшно». Или: Р. 4101. **lā qa** «влажный (болотный)»; Р. 9085. **súla** «влажный (блестящий след)»; Р. 11484а. **wilā** «влажный (остаточно)»; Р. 6078. **nā́ si** «влажный (от дождя)»; Р. 9436а. **šepá** «влажный (сексуально)». В итоге мы можем объяснить повышенную лингвистическую скрупулезность первобытных людей в деле словотворчества как неизбежную особенность первобытного мышления. И т. п.

Во-вторых, будучи ограниченным 108-ю односложными единицами выражения смысла слов, кениантроп поневоле должен был выражать смысл некоторых двусложных слов метафорически (иносказательно). Например, слово Р. 5861. **múso** «вечер» буквально значило «ущерб света», а слово Р. 5873. **múšo** «конец» буквально значило «испарение». Такого рода примеры переносного смысла встречаются в языке *Руди* нередко. Они объясняют происхождение элементов метафоричности в человеческих языках.

Дело в том, что метафорический способ выражения, безусловно, не является точным. Например, в скандинавских *висах* (стихах сочинителей-скальдов) выражения «змеи крови», «ран серпы» и «псы шлема» обозначали «мечи», а «расточитель золота» — «воина», и т. п. Понятно, об однозначной точности подобного словоупотребления не может быть и речи. Однако, в силу вышеуказанных причин, мудрый кениантроп не имел иной возможности комплектовать словарь языка *Руди*, кроме как прибегая к синонимам и метафорам, очень уязвимым, с точки зрения требований искусственных языков кибернетики.

Между прочим, синонимы и метафоры служат хлебом (тоже метафора) поэтов и писателей цивилизованной эпохи. Например, Гомер называл всемогущую богиню Геру «волоокой», т. е. «дамой с коровьими глазами». Он подразумевал, что глаза — большие. И Гера относилась к подобной метафоре в свой адрес благосклонно, судя по мировой славе Гомера. А благодарить надо дикаря кениантропа...

Затронутая проблематика проливает свет на происхождение понятий, отражающих само человеческое мышление. Современный человек располагает целой серией таких понятий. Но откуда они взялись? Кениантроп не был ни нейрофизиологом, ни психологом. У нас даже нет доказательств, что он знал, что люди думают головой. Как же он умудрился разработать исходную терминологию человеческой мысли? Метафорическим путем.

Например, на исходе трудового дня руководящий кениантроп садился на берегу родного болота Лориан в Кении и задумчиво смотрел на воду. Это делаем и мы, следуя привычкам кениантропа, усвоенным на берегах этого болота. Рядовые кениантропы показывали на мудрого собрата пальцами и говорили друг другу: «сидит перед водой!» Со временем это нехитрое выражение в переносном

смысле стало значить для кениантропов «думает». Так появился важный термин Р. 5879. **múto** «думать», буквально значащий «сидеть перед водой». Отсюда, в конечном счете, происходит русское слово «мысль», и, с перестановкой слогов (метатезой), — «дума».

Далее. Подобно побочным себе австралопитекам (в том числе — самому позднему из них, «австралопитеку умелому» с длинными обезьяньими руками и обезьяньим вестибулярным аппаратом, 1,83-1,44 млн лет назад; он был уже современником «человека-мастера», 1,835-1,41 млн лет назад) и подобно своим потомкам, нам, кениантроп любил кушать зерно, о чем говорит строение зубов. Чтобы узнать, съедобно ли зерно, кениантроп его лущил. Отсюда произошел термин Р. 3548. **kéno** «узнать», буквально «лущить зерно». Отсюда, в конечном счете, русское слово «знать». Любой кантианец придет в ужас от таких откровений, поскольку сам черпает их из трансцендентного (потустороннего) мира. Но мы не станем ужасаться.

Не лучше, с точки зрения самолюбия современного человека, обстоит дело с происхождением понятия «знать». У кениантропа Р. 10524а. **tanó** «знать» буквально значило «очевидный». Хотя нам бы хотелось, чтобы понятие «знать» обозначало проникновение в глубинную суть вещей, а не ограничивалось поверхностной «очевидностью». Имелись понятия Р. 11724. **wúnu** «учить» и Р. 7910. **rápa** «учитель», которые буквально значили «устное обучение» и «авторитетный наставник», что отвечает нашим представлениям о первобытном обучении.

Синонимические понятия, о которых говорилось выше, составляли у кениантропа серии. Серии же родственных понятий пригодны для общений. Кениантроп располагал подходящим материалом, и встает вопрос: имеются ли свидетельства того, что кениантроп производил подобные обобщения? Возможный ответ на данный вопрос заставит нас призадуматься.

У кениантропа имелась серия слов для обозначения антилоп, как-то: Р. 5903. **náʔi** «антилопа *дикдик*»; Р. 1700. **ʔipi** «антилопа *менеликия*»; Р. 6927. **píno**; 8567. **sápi**; 10828а. **tikú**; 10979. **tóru** «антилопа *хохлатый дукер*»; Р. 8982. **sóla** «древняя лесная антилопа»; Р. 3900. **kúsu** «лесная антилопа»; Р. 9828. **śáʔo** «ложнокозловая антилопа»; Р. 7165. **púsa** «саванная антилопа *премадокуа*»; Р. 6039. **ná ʔa** «цветущерогая антилопа». Однако понятия «антилопы вообще» мы в словаре Руди не встречаем.

Имелась серия слов для наименования буйволов, а именно: Р. 6096. **ná ʔi**, 6939. **píqo**, 11203. **wásu** «буйвол»; Р. 7702. **qóqo** «буйволенок»; Р. 4626. **lálo** «буйволица»; Р. 9827. **śáʔi** «разъяренная буйволица»; Р. 10704. **téʔe** «широкорогая буйволица». Однако и здесь мы не находим обозначения «буйвола вообще».

Наконец, имелась серия слов для обозначения слонов: Р. 6941. **píra**; 7913. **rápi** «африканский слон»; Р. 3452. **ká ʔu** «слон динотерий»; Р. 3423. **ká ʔa** «слониха динотерия». Однако «слона вообще» кениантроп никак не называл.

Забегая вперед, отметим, что перечисленные животные служили объектом охоты кениантропа с вероятностью, пропорциональной частоте их упоминания в словаре Руди. То есть кениантроп побаивался охотиться на слонов, не жаловал охоты на буйволов и предпочитал преследовать антилоп, как сделали бы и мы из соображений безопасности.

Теперь рассмотрим серию наименований саблезубых тигров, весьма многочисленных в верхнем плиоцене (2,0–1,6 млн лет назад) Африки при кениантропе. Здесь мы имеем: Р. 2899. **jépi** «саблезубая пантера»; Р. 4606. **láje** «саблезубая тигрица». По этимологическим данным, окраска этих чудовищ была желтой, как у современных львов и пожухлой саванны: Р. 2835. **je** «желтый». Далее: Р. 3371а. **katí**; 10873. **tíse** «саблезубый кот»; Р. 6973а. **piwé** «*шакал*» (небольшой воющий махайрод); Р. 7269. **qará**; 9506. **śíʔi** «саблезубый леопард»; Р. 9548. **śípi** «саблезубый «пес»».

В отличие от вышеупомянутых травоядных, на которых, предположительно, охотился кениантроп, саблезубые тигры служили источником леденящего ужаса для кениантропа. Мы знаем об этом по той причине, что, вымерев в конце плиоцена вслед за кениантропом, африканские саблезубые тигры как таковые ушли из языка, а понятие «саблезубый тигр вообще» приобрело семантику «леденящего ужаса» (откуда русское слово «стыть»), пережившую испытывавшего этот ужас кениантроп. «Саблезубого тигра вообще» он называл Р. 9556. **śíqu** «саблезубый тигр», буквально «саблезуб».

Отсюда следует, что под влиянием сильных эмоций кениантроп уже умел обобщать понятия.

Например, обитатель открытой саванны кениантроп, по-видимому, как и мы, испытывал ужас перед джунглями, где незримо могли таиться зловещие хищники. Поэтому для опасных джунглей он создал серию обозначений: Р. 9188а.

šaká «густая чаша»; Р. 11328. **wá'ti** «темная чаша»; Р. 5424. **má'si** «чащоба» (буквально та же «темная чаша»). В итоге кениантроп создал для этих конкретных слов общее понятие Р. 7730. **qóte** «чаща».

Умение строить обобщения должно было привести кениантропа к понятию «сущности вещей», о чем свидетельствуют такие слова, как Р. 1076. **híši** «суть (предмета)» и Р. 1560. **ʔéke** «сущность». Последнее существительное много-много позже (в эпоху наидревнейшей на Украине неолитической археологической культуры первых индоевропейцев Днепр–Донец в Северном Причерноморье, 7 980–7 180 лет назад, предварявшей культуру индоевропейцев-коневожов Средний Стог, 7 180–6 260 лет назад) — много-много позже преобразовалось в индоевропейское местоимение 1-го лица единственного числа *h'eg'(h)om*, *h'eg'ō* «я». Именно оно послужило источником русского «я».

Приблизившись в самом первом приближении к понятию «сущности вещей», кениантроп фактически заявил о своей способности извлекать общее знание из частного. В цивилизованном мире подобная процедура называется «логической индукцией». Судя по термину Р. 10978. **tóro** «последовательность», кениантроп имел представление о логичности. Однако искать в его словаре понятие «индукции» не приходится.

Можно возразить, что кениантроп не мог иметь понятия о сущностях не только потому, что был дикарем, но и потому, что сущности не наблюдаемы. Кениантроп же не мог выходить за рамки эмпирического знания (что верно). Однако с тезисом о принципиальной ненаблюдаемости сущностей согласиться трудно, и вот почему.

Сущности представляю собой устойчиво повторяющиеся черты явлений. Чем шире круг оцениваемых явлений, тем меньше у них общих черт, и тем глубже, но содержательно беднее их сущности. Мы имеем в виду известный формально-логический закон обратного отношения объема и содержания понятий.

С точки зрения количественной теории информации К.Э. Шеннона¹⁴, какое-либо количество информации содержится только в новых сведениях, снижающих для нас неопределенность в выборе образа действия. Повторяющиеся сведения в этом нам не помогают, их информация оценивает-

ся как нулевая, а у нас они вызывают только скуку и усталость. Поэтому смена родов деятельности, избавляющая нас от утомительно повторяющихся сведений, является отдыхом.

Теперь представим, что мы наблюдаем серию родственных явлений. Как информацию мы воспринимаем их неповторимые черты, по определению, не являющиеся сущностями. Повторяющиеся же черты, сущности явлений, сливаются для нас воедино и совершенно теряются среди неповторимых черт явлений, которые сущностями явлений не считаются. Поэтому сущности эмпирически наблюдаемы так же, как и явления. Однако, по информационным причинам, сущности заслоняются от нас явлениями и поэтому ошибочно оцениваются нами, как эмпирически ненаблюдаемые¹⁵.

Проще сказать, в рамках своего эмпирического восприятия действительности кениантроп вполне мог наблюдать сущности вещей не хуже явлений. Другой вопрос — как, в отличие от нас, он умудрялся вычленять редкие сущности из морей явлений. В цивилизованное время демографически крупный социум делал наблюдения сущностей массовидными, а потому заметными для людей. Это обстоятельство породило цивилизованную науку, умеющую открывать и предсказывать сущности¹⁶. Но социум кениантропа был демографически бедным, и в лучшем случае общины кениантропа исчислялись десятками, а не тысячами индивидов, как у цивилизованных людей. Как же кениантроп научился замечать сущности?

Сразу поясним, что в сфере органических потребностей замечать и предсказывать сущности умеют не только все живые существа, но даже их геномы, в том числе простые генотипы вирусов, основанные на рибонуклеиновой кислоте. Не беремся трактовать мировосприятие геномами и вирусами, но можем высказаться о мировосприятии живыми существами, обладающими нервной системой или ее подобием (органеллами у простейших организмов). Такие живые существа воспринимают информацию, связанную с органическими потребностями, эмоционально. Когда эти потребности удовлетворены, связанные с ними эмоции гаснут. Это равносильно уничтожению

¹⁴ Шеннон К. Математическая теория связи // Шеннон К. Работы по теории информации и кибернетике: Сб. ст. М.: ИЛ, 1963. С. 243–332.

¹⁵ Клягин Н.В. Современная научная картина мира: Учеб. пособие. М.: Университетская книга, Логос, 2007. 264 с. С. 117–118.

¹⁶ Там же. С. 118.

эмоционально воспринимаемой информации. Поэтому, когда нужда в ней возобновляется, одна и та же эмоциональная информация воспринимается, как новая.

Например, мы голодны (ощущаем эмоциональную информацию о своем голоде). Всякие сведения, помогающие нам удовлетворить чувство голода, воспринимаются, как новые. Мы насытились — и все эмоциональные сведения, связанные с удовлетворением чувства голода, угасают (стираются). При возобновлении чувства голода всё повторяется. Так же обстоит дело с чувствами опасности, продолжения рода и т. п.

При работе с информацией, не обслуживающей органические потребности, например, с интеллектуальной информацией, периодического стирания информации не происходит. Поэтому восприятие информации подчиняется вышеописанным принципам теории информации К.Э. Шеннона. Напомним, что наш вопрос состоит в том, как кениантропу удалось обойти ограничения, налагаемые принципами теории информации К.Э. Шеннона, и зафиксировать в своем языке некоторые сущности вещей.

Мы не знаем, кого кениантроп называл словом Р. 9221а. šarí «главная добыча». Как мы помним, кениантроп не создавал обобщающих понятий для типов животных, служащих ему охотничьей добычей. Напротив, для саблезубых тигров, добычей которых мог стать сам кениантроп, обобщающее понятие было создано. Причина этого обстоятельства, вероятно, состояла в следующем. Саблезубые тигры были не слишком проворными хищниками. По-видимому, они питали слабость к медлительным кениантропам как к своей добыче. Поэтому они держали наших предков в постоянном страхе. В результате складывалась редкая ситуация: кениантропы испытывали «леденящий ужас» (см. выше) перед конкретным типом хищников подсемейства махайродов (*Machairodontinae*) семейства кошачьих (*Felidae*). Общий словесный термин для саблезубых тигров формировался по схеме отражения предмета органических потребностей. Специфика ситуации состояла в том, что рефлексорный «леденящий ужас» перед саблезубыми тиграми дополнился словесным термином для источника этого ужаса. Однако с другими общими понятиями ситуация складывалась куда сложнее.

Чем дальше информация от органических потребностей, тем меньше вероятность ее автоматического стирания и обнаружения неких

«неорганических» сущностей вещей. Это обстоятельство объясняет редкость открытия, например, философских сущностей вещей, предельно далеких от органических потребностей. Аналогом подобных сущностей вещей во времена кениантропа служили упомянутые понятия «сущность» и «суть (предмета)». Их разработка кениантропом была так же маловероятна, как разработка философских сущностей вещей в цивилизованное время. Как же кениантроп обошел это незримое, но непреодолимое затруднение?

Слово Р. 1560. ʔéke «сущность» буквально значило «здесь зерно», т. е. «это — источник происхождения» каких-то явлений. Кениантроп, вероятно, наблюдал, как компактное Р.3489. ke «зерно» Р. 3897а. kusé «превращается» в Р. 3784а. kóó «росток», который затем обрастает деталями взрослого Р. 6965. ríta «цветущего растения», чтобы снова породить зерно. Замкнутость этого цикла свидетельствовала о его самодостаточности — следовательно, о принадлежности к числу первооснов. Однако для того, чтобы термин «сущность» приобрел статус «сущности всех вещей», надлежало придать ему универсальный статус, т. е. распространить его на все явления действительности, а не только на явления растительного мира.

С явлениями животного мира проблем не возникало, поскольку животные размножаются сходно с растениями. Наверняка от кениантропа не ускользнуло, что млекопитающие размножаются при помощи семени, птицы и пресмыкающиеся — при помощи яйца, земноводные, рыбы, ракообразные и моллюски — при помощи икры, и т. д. Однако явления неживой природы составляли определенную проблему. Наблюдая, как с нуклеуса (каменного ядрища) снимаются отщепы, а затем преобразуются в различные орудия, способные обрабатывать нуклеус, кениантроп мог подметить самодостаточный цикл рождения явлений из единой сущности и здесь. Рождение рек из родников, а озер и болот — из рек могло показать кениантропу сущности гидрологического мира. Зарождение грозы из туч, а туч — из тумана испарений, равно как засухи — от палящего солнца, показало бы кениантропу сущность круговорота веществ в природе. Наверно, кениантроп замечал вокруг себя и другие циклические сущности.

Надо заметить, что в своих наблюдениях кениантроп придерживался методов, отличных от методов мыслителей цивилизованной эпохи. Последние сводили к сущностям устойчиво повто-

ряющиеся черты явлений и вдобавок ошибочно считали сущности ненаблюдаемыми (см. выше). Они (мыслители цивилизованной эпохи) пользовались индуктивным методом, опирающимся на массовидные наблюдения. В перечисленных нами примерах кениантроп ограничивался генетическим методом, поскольку не мог осуществлять массовидных наблюдений, так как его общины были демографически крайне скудны по сравнению с обществами цивилизованных людей.

Между тем, по лингвистическим данным, методологическая ситуация, связанная с наблюдениями кениантропа, не столь проста. Возьмем, упоминавшееся слово языка *Pydu* Р. 1076. **híši** «суть (предмета)». Буквально оно значило «твердый цвет», т. е. устойчивый признак явления. Но философы цивилизованного времени вкладывали в понятие сущности примерно тот же смысл. Отсюда, по-видимому, следует, что кениантроп мог пользоваться индуктивными методами цивилизованных философов, что нашло выражение в понятии «суть (предмета)». В противном случае было бы трудно объяснить происхождение слова типа обсуждаемого. Но опережал ли кениантроп свое время, в самом деле?

Слова языка *Pydu* по преимуществу носили наглядный характер, как то же Р. 3517а. **kejí** «сеять зерно», буквально «внедрять зерно» (сразу поясним, что о палеолитическом земледелии это слово еще ничего не говорит). Однако среди слов, содержащих корень «зерно» имеются символические примеры с переносным смыслом. Назовем, в частности,

Р. 3520. **kéka** «суровая сила», буквально «мощь зерна»;

Р. 3525а. **kekú** «родина», буквально «источник рождения за спиной»;

Р. 3539. **kémä** «зима (засушливый сезон, ноябрь–апрель)», буквально «прочь зерно», откуда происходит русское слово «зима»;

Р. 3545. **kénä** «обманываться», буквально «несъедобное зерно»;

Р. 3592. **kéwa** «племя», буквально «совокупность семени»;

Р. 1996. **šáke** «странный», буквально «непостижимый»;

Р. 5920. **náke** «первородный», буквально «свойство семени», откуда происходит самоназвание греков-ахейцев, осаждавших Троя в 1193–1184 гг. до н. э.;

Р. 7119а. **puké** «простофиля», буквально «трухлявая суть»; и др.

Об изобретательности кениантропа при словотворчестве мы уже говорили. Здесь же обратим внимание на другое. Создавая серии слов и понимая их внутренний смысл, кениантроп не мог не замечать, что очень разные по смыслу слова содержат одинаковые элементы, сообщающие им значение. Подобное открытие могло привести его к созданию вышеупомянутого слова Р. 1076. **híši** «суть (предмета)», или «устойчивый признак явления». Отличие кениантропа от его потомков-философов состояло только в том, что он работал по материалам собственного творчества, тогда как его потомки пользовались услугами матери-природы, синтезируя ее явления. Кстати сказать, в глазах современных мыслителей эта особенность эвристической деятельности кениантропа является не минусом, а плюсом. Мол, задумался — и всё открыл из головы! Мы не разделяем подобного энтузиазма и полагаем, что кениантроп все-таки прибегал к показаниям природы и опирался на эмпирические наблюдения. Однако доказать этого пока не можем.

Зато очевидно другое. Если кениантроп сумел открыть, что, помимо видимых явлений, могут Р. 3005. **jípa** «существовать» их сущности, и сумел открыть это по материалам собственного словотворчества, то он мог бы дать фору мыслителям-философам, которые ни о чем подобном не мечтали. Имеется, правда, попытка Гераклита Эфесского (ок. 520 — ок. 460 до н. э.) связать свойства вещей с их наименованиями, но этимологически она несостоятельна. Однако кениантроп пребывал в выгодном положении. Он понимал внутренний смысл слов своего языка и поэтому мог работать с ними, как с подобиями их денотатов, обозначаемых ими явлений.

Между тем, вскоре после временной отметки в 474 тыс. лет назад люди современного типа из-за фонетической деформации слов своего языка *Сани* перестали понимать их внутренний смысл и прекратили словотворчество в духе кениантропа. Одним из последних вкладов ранних сапиенсов в общечеловеческий язык стало слово языка *Сани* С. **šä šatira** «дракон», буквально «жгущий сверху лучом α-самец», которое 163 тыс. лет назад превратилось в слово ностратического языка европеоидов Н. **šä šdiRa** «дракон». Из-за выпадения внутренних гласных звуков в трехсложных и четырехсложных словах ностраты потеряли способность понимать их внутренний смысл, и эта задача распространилась на односложные и двухсложные слова. Поэтому более поздние фило-

софы лишились возможности работать с лингвистическим материалом в духе кениантропа.

Заключение

Назвав кениантропа «первым мыслителем», мы не ставили его в один ряд с такими мыслителями, как Г.В.Ф. Гегель, предпринявший попытку универсального отражения действительности¹⁷. Кроме того, как и его потомки, вплоть до современных людей первобытного общества, кениантроп не имел индивидуального самосознания¹⁸. Он умел говорить только вслух и не располагал навыками внутренней речи, представляющей со-

бой собеседования полушарий головного мозга и создающей у человека впечатление присутствия в голове второго Я. Конечно, современный человек спросит: как же кениантроп мыслил? Он мыслил вслух, как и сейчас делают дети и престарелые люди. Это не мысли! — воскликнет современный человек. — Поскольку мысль нематериальна и беззвучна! Это неверно, — поясним мы. — Поскольку, когда человек размышляет, у него неслышно колеблются голосовые связки. Человек освоил навыки неслышной речи про себя в эпоху ранней цивилизации. А до того размышлял вслух, как кениантроп. Следовательно, ничто не мешает последнему именоваться первым мыслителем.

Список литературы:

1. Гегель Г.В.Ф. Наука логики: В 3 т. М.: Мысль, 1970-1972. Т. 1. 501 с.; Т. 2. 248 с.; Т. 3. 371 с.
2. Кларк Дж.Д. Доисторическая Африка. М.: Наука, 1977. 264 с.
3. Клягин Н.В. Современная научная картина мира: Учеб. пособие. М.: Университетская книга, Логос, 2007. 264 с.
4. Клягин Н.В. Первозык мышления // Мир психологии. 2009. № 2. С. 59-69.
5. Клягин Н.В. Психология кениантропа // Высшее образование для XXI века. VII международная научная конференция, Москва, 18-20 ноября 2010 г. Духовное развитие человека и содержание высшего образования. М.: МГУ, 2010. Вып. 1. С. 32-47.
6. Лархер В. Экология растений. М.: Мир, 1978. 384 с.
7. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. Критика новейшей немецкой философии в лице ее представителей Фейербаха, Б. Бауэра и Штирнера и немецкого социализма в лице его различных пророков // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М.: Политиздат, 1955. Т. 3. С. 7-544.
8. Тот Н. Первая технология // В мире науки. 1987. № 6. С. 80-90.
9. Шеннон К. Математическая теория связи // Шеннон К. Работы по теории информации и кибернетике: Сб. ст. М.: ИЛ, 1963. С. 243-332.
10. Falk D. Nadar AL 162-28 endocast as evidence that brain enlargement preceded cortical reorganization in hominid evolution // Nature. 1985. Vol. 313. № 5997. P. 45-47.
11. Jaynes J. The Origin of Consciousness in the Breakdown of the Bicameral Mind. Boston: Houghton Mifflin Company, 1976. 467 p.
12. Leakey M.D. Cultural Patterns in the Olduvai Sequence // After the Australopithecines. Stratigraphy, Ecology, and Culture Change in the Middle Pleistocene. The Hague, Paris: Mouton Publishers, 1975. P. 477-493.
13. Leakey M.G. et al. New hominin genus from eastern Africa shows diverse middle Pliocene lineages // Nature. 2001. Vol. 410, № 6827. P. 433-440.
14. Leakey R.E.F. Evidence for an Advanced Plio-Pleistocene Hominid from East Rudolf, Kenya // Human Origins. Louis Leakey and the East African Evidence. A Staples Press Book. W.A. Benjamin, Inc., Menlo Park, Ca. — Reading, Mass. — L. — Amsterdam — Don Mills, Ontario — Sydney, 1976. P. 343-352.
15. McPherron Sh.P. et al. Evidence for stone-tool-assisted consumption of animal tissues before 3.39 million years ago at Dikika, Ethiopia // Nature. 2010. Vol. 466. № 7308. P. 857-860.
16. Wood B. The oldest whodunnit in the world // Nature. 1997. Vol. 385. № 6614. P. 292-293.

¹⁷ Гегель Г.В.Ф. Наука логики: в 3-х тт. М.: Мысль, 1970-1972. Т. 1. 501 с.; Т. 2. 248 с.; Т. 3. 371 с.

¹⁸ Jaynes J. The Origin of Consciousness in the Breakdown of the Bicameral Mind. Boston: Houghton Mifflin Company, 1976. 467 p.

17. Yellen J. E. The longest human record // *Nature*. 1986. Vol. 322. № 6082. P. 774.

References (transliteration):

1. Gegel' G.V.F. *Nauka logiki: V 3 t.* M.: Mysl', 1970-1972. T. 1. 501 s.; T. 2. 248 s. T. 3. 371 s.
2. Klark Dzh.D. *Doistoricheskaya Afrika.* M.: Nauka, 1977. 264 s.
3. Klyagin N.V. *Sovremennaya nauchnaya kartina mira: Ucheb. posobie.* M.: Universitetskaya kniga, Logos, 2007. 264 s.
4. Klyagin N.V. *Pervoyazyk myshleniya* // *Mir psikhologii.* 2009. № 2. S. 59-69.
5. Klyagin N.V. *Psikhologiya keniantropa* // *Vysshee obrazovanie dlya XXI veka. VII mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya, Moskva, 18-20 noyabrya 2010 g. Dukhovnoe razvitie cheloveka i sodержanie vysshego obrazovaniya.* M.: MGU, 2010. Vyp. 1. S. 32-47.
6. Larkher V. *Ekologiya rasteniy.* M.: Mir, 1978. 384 s.
7. Marks K., Engel's F. *Nemetskaya ideologiya. Kritika noveyshey nemetskoй filosofii v litse ee predstaviteley Feyerbakha, B. Bauera i Shtirnera i nemetskogo sotsializma v litse ego razlichnykh prorokov* // Marks K., Engel's F. *Soch. 2-e izd.* M.: Politizdat, 1955. T. 3. S. 7-544.
8. Tot N. *Pervaya tekhnologiya* // *V mire nauki.* 1987. № 6. S. 80-90.
9. Shannon K. *Matematicheskaya teoriya svyazi* // *Shannon K. Raboty po teorii informatsii i kibernetike: Sb. st.* M.: IL, 1963. S. 243-332.
10. Falk D. *Hadar AL 162-28 endocast as evidence that brain enlargement preceded cortical reorganization in hominid evolution* // *Nature.* 1985. Vol. 313, № 5997. R. 45-47.
11. Jaynes J. *The Origin of Consciousness in the Breakdown of the Bicameral Mind.* Boston: Houghton Mifflin Company, 1976. 467 p.
12. Leakey M.D. *Cultural Patterns in the Olduvai Sequence* // *After the Australopithecines. Stratigraphy, Ecology, and Culture Change in the Middle Pleistocene.* The Hague, Paris: Mouton Publishers, 1975. P. 477-493.
13. Leakey M.G. et al. *New hominin genus from eastern Africa shows diverse middle Pliocene lineages* // *Nature.* 2001. Vol. 410, № 6827. R. 433-440.
14. Leakey R. E. F. *Evidence for an Advanced Plio-Pleistocene Hominid from East Rudolf, Kenya* // *Human Origins. Louis Leakey and the East African Evidence. A Staples Press Book.* W.A. Benjamin, Inc., Menlo Park, Ca. — Reading, Mass. — L. — Amsterdam — Don Mills, Ontario — Sydney, 1976. P. 343-352.
15. McPherron Sh. P. et al. *Evidence for stone-tool-assisted consumption of animal tissues before 3.39 million years ago at Dikika, Ethiopia* // *Nature.* 2010. Vol. 466, № 7308. R. 857-860.
16. Wood B. *The oldest whodunnit in the world* // *Nature.* 1997. Vol. 385. № 6614. R. 292-293.
17. Yellen J.E. *The longest human record* // *Nature.* 1986. Vol. 322, № 6082. R. 774.